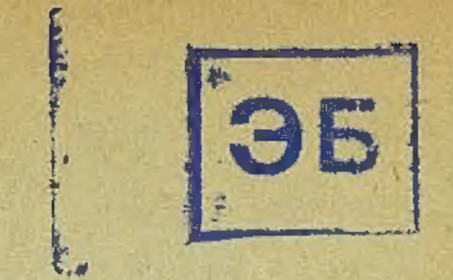
B 30
1928


ЭБ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ТМУТОРОКАНСКАГО КАМНЯ

съ

РУССКОЮ НАДПИСЬЮ.

Сочиненіе

Григорія Спасскаго,

Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ корреспондента, Обществъ: Императорскаго Московскаго Исторіи и Древностей Россійскихъ и Одесскаго Исторіи и Древностей дѣйствительнаго члена.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

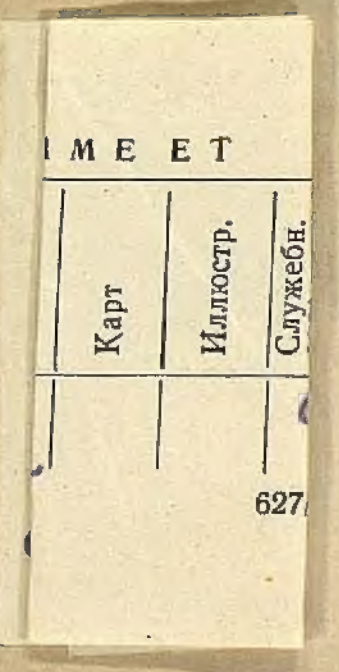
Въ типографіи И. Глазунова и Комп.

—

1844.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 10 сентября 1844.
Ценсоры *А. Никитенко и С. Куторга.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.



ИЗСЛѢДОВАНІЕ ТМУТОРОКАНСКАГО КАМНЯ СЪ РУССКОЮ НАДПИСЬЮ.

—

I.

Тмутороканское-Княженіе и различныя мнѣнія о географическомъ его положеніи.

Въ русскихъ лѣтописяхъ, отъ половины X до начала XII вѣка, часто встрѣчается имя Тмутороканскаго-Княженія, и иногда при столь замѣчательныхъ событіяхъ, что нельзя не удивляться кратковременному его существованію и утратѣ для нашей исторіи.

Первымъ владѣтелемъ въ Тмуторокани полагаютъ князя Святослава Игоревича; но какъ не представляютъ на то никакихъ историческихъ доводовъ, то можно принимать вмѣсто его первымъ Владиміра Святославича, потому-что онъ, при раздѣленіи Россіи на удѣлы, отдалъ Тмутороканское-Княженіе седьмому сыну своему, Мстиславу Владиміровичу, слѣдовательно, самъ уже владѣлъ имъ. По смерти Мстислава, было оно съ 1034 г. подъ единовластіемъ Ярослава Владиміровича, а послѣ него, съ 1054 г., досталось князю черниговскому Святославу Ярославичу; потомъ сыну его, юному князю Глѣбу Святославичу, изгнанному въ 1064 г. Ростиславомъ Владиміровичемъ, уступившимъ тогда же Тмуторокань пришедшему съ войскомъ дядѣ своему Святославу Ярославичу, и по отбытіи его опять водворившемуся въ ней ненадолго, потому-что въ 1066 г. отрава, данная ему Грекомъ Котопаномъ, пресѣкла его жизнь, и онъ погребенъ въ церкви Пресвятой Богородицы, сооруженной въ Тмуторокани Мстиславомъ Владиміровичемъ, а на мѣсто его призванъ снова, въ 1068 г., жителями Тмуторокани Глѣбъ Святославичъ, котораго, въ 1069 г. октября 23, находимъ уже защитникомъ Новагорода противъ

полоцкаго князя Всеслава, явившагося съ сильнымъ войскомъ подъ стѣнами этого города. Далѣе упоминаютъ лѣтописи о княжившихъ въ Тмуторокани: Романѣ Святославичѣ, давшемъ у себя убѣжище князьямъ Борису Вячеславичу и Олегу Святославичу, которые, нанявъ Половцевъ, вошли въ предѣлы Черниговскаго-Княженія и разбили Всеволода, но были отмщены. Романъ Святославичъ, желая ихъ защитить, лишился жизни, и Тмуторокань отдана была Всеволодомъ въ управленіе намѣстника его Ратибора, и потомъ завоевана Давидомъ Игоревичемъ и Володаремъ Ростиславичемъ, которые, однакожь, недолго тѣмъ пользовались: вскорѣ возвратился Олегъ, бывшій изгнанникомъ на островѣ Родосѣ и овладѣлъ Тмутороканью, отпустивъ Давида и Володаря въ Россію. За тѣмъ является онъ въ войнахъ съ Половцами и дѣйствующимъ лицомъ въ смутахъ между великими князьями.

Вотъ вкратцѣ вся «историческая» жизнь Тмуторокани, сохраненная лѣтописями, неопредѣляющими ни мѣста, гдѣ существовала Тмуторокань, ни событій, при которыхъ она исчезла. Эта неизвѣстность подала поводъ ко многимъ совершенно-противоположнымъ догадкамъ о мѣстоположеніи Тмутороканскаго-Княженія. Татищевъ и Болтинъ назначали его въ нынѣшней Рязанской-Губерніи, князь Щербатовъ близь Азова; Θеоθанъ Прокоповичъ въ Литвѣ, гдѣ Новгородокъ; Никоновская Лѣтопись въ Астрахани; Байеръ, Мусинъ-Пушкинъ (*), и, по слѣдамъ его, сначала Оленинъ, а потомъ и Карамзинъ, отъискивали Тмуторокань на Тамани, гдѣ была древняя Таматарха. Въ-послѣдствіи, Татищевъ, Болтинъ и князь Щербатовъ признали сами неосновательность своихъ мнѣній. Существованіе Тмуторокани тамъ, гдѣ Астрахань, совершенно-несбыточно, хотя въ Русской Лѣтописи, по никонову списку (Спб. 1767—1791, VII, стр. 209, 210), сказано: «и та *Асторокань* тогда именовалася *Тмуторокань*, и далъ ее (Владиміръ) сыну своему Мстиславу». Вѣроятно, тутъ погрѣшность произошла отъ сходства въ именахъ; но, наоборотъ, Тмуторокань не называлась никогда Астраханью.

Мнѣніе Мусина-Пушкина имѣетъ болѣе предъидущихъ мнѣній вѣроятности, но не основательности. Вотъ его доказательства (**): 1) если бы, говоритъ онъ, Тмутороканское-Княженіе было тамъ, гдѣ назначали его Татищевъ и Болтинъ, то могъ ли бы Котопанъ въ 8 дней поспѣть въ Херсонъ для извѣщенія Грековъ о кончинѣ князя Ростислава, послѣдовавшей въ Тмуторокани? 2) Какимъ образомъ Козары (Хазары), обитавшіе близь Азовскаго-Моря, въ 1079 г. могли бы взять изъ отдаленной отъ нихъ Рязани владѣвшаго Тмутороканскимъ-Княженіемъ князя Олега Святославича и отослать его въ Константинополь? 3) И преподобный Никонъ, по словамъ «Кіевскаго Патерика», былъ два раза на островѣ Тмуторокани,—въ первый, чтобы «отъити на уединеніе и единъ о себѣ безмолствовати»; во второй: «дошедъ бо до острова Тмутороканскаго съ княземъ Глѣбомъ Святославичемъ, и оному сѣдшу на престо-

---

(*) Послѣ возведенный въ графское достоинство.

(**) «Истор. Изслѣд. о мѣстоположеніи др. рос. Тмутороканскаго Княженія». Спб. 1794 г., стр. 47 и др.

лѣ, управи, яко же обѣщася, монастырь свой, и возвратися вспять».
4) Назначивъ Тмутороканское-Княженіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ существовала древняя Фанагорія, владѣвшему имъ князю Мстиславу не трудно было покорить Косоговъ и Ясовъ, какъ народовъ сопредѣльныхъ съ этимъ княженіемъ.

На первое возразилъ уже Болтинъ князю Щербатову (*). «Если Котопану трудно было прежде 8 дней изъ Рязани пріѣхать въ Корсунь, то изъ Азова и по нынѣшней почтѣ ѣдущему едва-ли то будетъ возможно; ибо здѣсь идетъ рѣчь не о той Корсуни, которая была въ Тавріи, но о той, которая и понынѣ существуетъ на рѣкѣ Росѣ». Это объясненіе Болтина можетъ быть примѣнено и ко второму доказательству. Что же касается до третьяго, то оно, кажется, болѣе опровергаетъ, нежели поддерживаетъ противниковъ Татищева и Болтина. Какимъ образомъ преподобный Никонъ могъ такъ легко и свободно совершить двукратное путешествіе изъ Кіева на островъ Тамань, чрезъ необозримыя степи, среди варварскихъ народовъ, которыхъ остатки, подъ названіемъ Печенѣговъ и Торковъ, по словамъ Карамзина (И. Г. Р., II. прим. 200) около 1100 г., т. е. спустя полвѣка послѣ описаннаго въ «Патерикѣ» событія, кочевали еще въ степяхъ нынѣшней Екатеринославской-Губерніи. Наконецъ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, Косоги и Ясы обитали на восточной сторонѣ Азовскаго-Моря, близь хазарской Бѣло-Вежи, бывшей на Дону, а потому и въ лѣтописцахъ нашихъ сказано: «и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаровъ, и градъ ихъ Бѣло-Вежу взя и Ясы побѣди и Косогы» (**).

Къ доказательствамъ А. И. Мусина-Пушкина А. Н. Оленинъ съ тою же цѣлью присовокупляетъ слѣдующія два мѣста изъ «Слова о Пълку Игоревѣ» (***):

«Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати землѣ незнаемѣ, Влъзѣ, «и поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканскій блъванъ.

«Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града «Тьмутороканя; а любо испити шеломомъ Дону.»

По мнѣнію его, первое изъ приведенныхъ здѣсь мѣстъ относится къ бѣдамъ, угрожавшимъ игореву войску, о которомъ разносится слухъ по Волгѣ (Вълзѣ), Пслу (Посулію), поморію (берегамъ Чернаго-Моря), Сурожу (Азовскому-Морю), Корсуни (Херсоню) и Тмуторокани; во второмъ мѣстѣ, подъ двумя соколами разумѣетъ онъ князей Игоря и Всеволода, оставившихъ свои владѣнія, первый въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, другой въ Трубчевскѣ, чтобъ поискать городъ Тмуторокань и *испити шеломомъ* (шлемомъ) Дону. *Тъмутороканскій блъванъ* какъ-будто бы намекаетъ на обломокъ статуи (торсъ), найденный на Тамани около того же вре-

(*) Отвѣтъ Г. М. Болтина на письмо князя Щербатова и проч. Спб. 1789.

(**) Изслѣдованія, служ. къ объясненію древней русской исторіи А. Х. Лерберга, перев. Д. Языкова. Спб. 1819, стр. 379.

(***) Письмо къ графу А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ тмутороканскомъ и проч. А. О. Спб. 1806.

мени, когда явился камень съ русскою надписью, и изображенный А. Н. Оленинымъ въ начальной картинкѣ (frontispice) при его письмѣ къ графу А. И. Мусину-Пушкину; а Игорь и Всеволодъ, кажется, напрасно хотятъ искать Тмуторокань, безъ сомнѣнія, въ ихъ время довольно еще извѣстную, когда Татищевъ послѣ 1129 года находитъ ее еще въ нашихъ лѣтописяхъ, хотя Карамзинъ и не видитъ ея нигдѣ уже послѣ 111 года.

Но почему же А. Н. Оленинъ умолчалъ еще о двухъ мѣстахъ «Слова о Пълку Игоревѣ», напоминающихъ также о Тмуторокани, именно:

«Тъи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше, «ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ.

«Всеславъ князь людямъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ «ночь влъкомъ рыскаше, *изъ Кіева дорыскаше до куръ Тмутороканя*».

Первое мѣсто неважно, какъ относящееся къ Олегу Святославичу, который, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, княжилъ въ Тмуторокани; но послѣднее требуетъ нѣкотораго разсмотрѣнія. Здѣсь, безъ сомнѣнія, говорится о Всеславѣ Брячеславичѣ, княжившемъ въ Кіевѣ по 1066 г. Если слова: «изъ Кіева дорыскаше до куръ», согласно съ толкованіемъ Карамзина, принять до разсвѣта дня—до пѣтуховъ, то можно ли думать, чтобъ Всеславъ въ столь короткое время достигъ до Тмуторокани, бывшей на Тамани, отстоящей отъ Кіева по прямой чертѣ до 400 верстъ, а по нынѣшней трактовой дорогѣ почти вдвое? Изъ слѣдующихъ словъ А. И. Мусина-Пушкина можно заключить, что онъ и самъ считалъ доказательства свои не совсѣмъ достаточными. «Такимъ образомъ» говоритъ онъ: «хотя много неоспоримыхъ обстоятельствъ къ означенію «точныхъ предѣловъ сего княженія; но не взирая на то, еще бы надлежало оставаться въ нѣкоторой нерѣшимости, еслибъ время само, со«крывающее, впрочемъ, толико безцѣнныхъ памятниковъ, не подало «намъ нити выйдти изъ сего мрака. Найденный нынѣ въ развалинахъ «древней Фанагоріи, на островѣ Таманѣ, названномъ отъ Константина «Багрянороднаго *Таматархою*, мраморный бѣлый камень съ словами въ «двухъ строкахъ на боку высѣченными, не позволяетъ уже болѣе со«мнѣваться, что Княженіе Тмутороканское дѣйствительно на семъ остро«вѣ существовало.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, этотъ камень прекратилъ споръ о Тмуторокани: всѣ замолчали, и даже Карамзинъ, увлекшись общимъ мнѣніемъ или другими видами, принялъ достовѣрность его безусловно. Байеръ, въ «Исторіи города Азова» (Санктпетербургъ, 1782) первый сказалъ, что имя *Тмуторокань* есть одно съ именемъ *Таматарха*, вѣроятно, болѣе по созвучію словъ, нежели по другимъ убѣжденіямъ. Онъ любилъ также прибѣгать къ этой слабой опорѣ, хотя менѣе Тредьяковскаго и другихъ нѣкоторыхъ. Догадка Байера, можетъ-быть, послужила основаніемъ и для Мусина-Пушкина, искать Тмуторокань на Тамани, хотя онъ самъ о томъ умолчалъ.

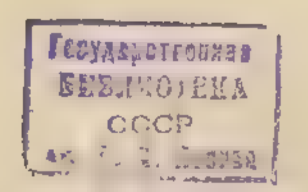
II.

Новая догадка о Тмутороканп п значеніп ея имени.

Хотя Константинъ-Багрянородный, около половины IX вѣка, при описаніи границъ Греческой-Имперіи со стороны Чернаго и Азовскаго Морей, упомянулъ о *Таматархѣ* (*); но онъ же въ другомъ сочиненіи (**) говоритъ, можетъ-быть, повторяя слова страбоновы, что «главный городъ европейскихъ Воспорцевъ есть Пантикапеонъ, а азіятскихъ Фанагореонъ». Въ-послѣдствіи, Греки называли это мѣсто еще *Матархою* и *Матрахою*, а Татары знали его подъ именемъ *Таманъ-Тархани*, подобно тому, какъ одно мѣсто въ Крыму, близь города Эвпаторіи, и донынѣ называется *Тарханъ-Кутомъ*. Не думаю, чтобъ Греки заимствовали первое названіе отъ Татаръ, какъ нѣкоторые полагаютъ; но скорѣе послѣдніе, водворившіеся здѣсь только съ XIV вѣка, отъ первыхъ. Развѣ не отъ Хазаръ ли оно перешло, или отъ другихъ какихъ-нибудь племенъ, съ давняго времени наводнявшихъ Крымъ и говорившихъ по-татарски? Можетъ-быть, нынѣшніе Караимы, или Караиты,— потомки Хазаръ; а у нихъ господствующій языкъ татарскій.

А. И. Мусинъ-Пушкинъ (***) свою *Тъмутаракань*, а не *Тьмутороканъ* или *Тмутороканъ*, какъ встрѣчается она въ нашихъ лѣтописяхъ, производитъ отъ названія *Таматархи*, употребленнаго Константиномъ-Багрянороднымъ, не подумавъ о томъ, могло ли это слово такъ скоро освоиться у старинныхъ нашихъ лѣтописателей. Онъ предлагаетъ догадку свою и о самомъ составѣ этого слова, говоря, что въ немъ первая буква *а* замѣнена буквою *ъ*, согласно съ употребленіемъ въ древнихъ рукописяхъ, гдѣ «почти вмѣсто всякой гласной буквы, а особливо въ начальномъ слогѣ, писали *ъ*»; а все слово Тъмутороканъ, по мнѣнію его, образовано по древнему русскому обыкновенію — имена народовъ и иностранныхъ городовъ перелагать на свой языкъ такъ, чтобъ они имѣли на немъ какое-нибудь значеніе, даже иногда давали названія отъ себя. Такимъ образомъ, и слово *Тмутороканъ* представило имъ случай дать ему нѣкоторое значеніе. Все это дополняетъ онъ еще каламбуромъ, заимствованнымъ отъ Татищева (Ист. Росс., кн. II, стр. 267) и повтореннымъ въ свое время Карамзинымъ (И. Г. Р., II, прим. 279), что послѣ отвѣта Игоря Ольговича, сдѣланнаго посланному къ нему съ мирнымъ предложеніемъ отъ Изяслава Мстиславича: «скажи ему, чтобъ онъ не шумѣлъ, сидя за печью, какъ сверчокъ» — по разбитіи его неожиданно Изяславомъ, вошло на Руси въ пословицу: «*сверчокъ тму таракань побѣдилъ*»; потому-что Игорь принадлежалъ къ князьямъ черниговскимъ, которые назывались и *тмутороканскими*. Напротивъ, должно замѣтить: 1) буква ь или ъ въ началѣ слова Тьмутороканъ употребляется не вмѣсто гласной, а по принадлежности для выраженія *тьма*, что

(*) Banduri Imp. Oriental. 1. p. 113.
(**) De Thematibus cap. IV Stritteri Memorae populorum etc.
(***) «Истор. Изслѣд. и проч.», стр. 49.



значило прежде 10,000, какъ въ словѣ *тьля* и проч., и что не одна только буква *ъ*, но въ приличныхъ мѣстахъ и *ь* замѣняли гласныя буквы и ставились тамъ, гдѣ имъ слѣдовало быть, или чрезъ букву, а часто употреблялись, судя по нынѣшней грамматической формѣ, и вовсе безъ надобности, какъ-то: *трьсть* вмѣсто *трость; тъгда — тогда, пръстень — перстень, влъхвъ — волхвъ, вьсякъ — всякой, дъщеръ — дщерь, къто — кто* и т. д. 2) Несправедлива укоризна Мусина-Пушкина нашимъ предкамъ, что они будто-бы имѣли обыкновеніе имена народовъ и иностранныхъ городовъ передѣлывать на свой ладъ, такъ, чтобъ эти имена что-нибудь значили на русскомъ языкѣ. Это дѣлаютъ одни Китайцы, по свойству письменнаго ихъ языка, изображающаго всѣ предметы іероглифическими знаками. Конечно, простой народъ нашъ донынѣ часто произноситъ по-своему иностранныя слова, но болѣе отъ недоразумѣнія, нежели съ какимъ-нибудь намѣреніемъ. Въ этомъ случаѣ, и сами иностранцы не остаются въ долгу. Они, особливо Французы, отплачиваютъ намъ съ процентами своимъ языкомъ, и вообще рѣдкій изъ иностранцевъ умѣетъ написать или выговорить русское слово безъ грубой ошибки. 3) Приведенный каламбуръ, можетъ-быть, заключаетъ въ себѣ, кромѣ шутки, и самое дѣло: почему черниговскіе князья разумѣются въ немъ подъ именемъ тмуторокансккхъ? Слѣдующее, кажется, можетъ послужить нѣкоторымъ тому объясненіемъ.

Увлеченные любимыми своими мнѣніями, писатели наши почти-вовсе забыли одно мѣсто въ лѣтописяхъ, которое очевидно указываетъ Тмуторокань близъ Кіева. Правда, дальновидный Карамзинъ не оставилъ и его безъ вниманія. Онъ говоритъ о немъ, хотя мимоходомъ и примѣняя къ принятой уже имъ ипотезѣ (И. Г. Р., прим. 117) слѣдующее: «Былъ еще *городокъ* сего имени (Тмуторокань) въ области Кіевской: по крайней мѣрѣ, въ описаніи городовъ русскихъ, включенномъ въ разные списки Нестора (см. Воскресен. Лѣт., 1, 20) сказано: «на Днѣпрѣ Кіевъ, Вышегородъ, Мирославицы, Тмуторокань». Впрочемъ, авторъ могъ здѣсь имѣть въ мысляхъ и древній воспорскій городъ, знавъ только его имя по лѣтописямъ XI вѣка. Для чего же употребилъ онъ слово *городокъ*, когда этого нѣтъ въ лѣтописи, и вообще укоротилъ ея показаніе, которое такъ любопытно? Тамъ сказано: «а се кіевскіе городы: Наршн, Дверень, Корсунъ, Трепель на Днѣпрѣ, Каневъ, Глинескъ, Переяславль, Рузскій, Юрьевъ, Пересѣченъ, Васильевъ на Стучнѣ, Бѣлгородъ на Пернѣ, Черн городъ, Кіевъ, Древянъ на Днѣпрѣ, а «церковь десятинная каменна, была о полутретьядцати верстахъ, Вышегородъ и Мираславичи, Тмуторокань Остреческій». Изъ послѣднихъ словъ можно догадываться, что городъ Тмуторокань какъ-будто былъ въ сосѣдствѣ съ Вышгородомъ и Мираславичемъ. Вышгородъ находился тамъ, гдѣ нынѣ село того же имени, на правомъ берегу Днѣпра, въ 17 верстахъ выше Кіева, и гдѣ во времена Ольги было особое княженіе (Повѣств. о Россіи Н. Арцыбашева, 1, кн. 11., прим. 182), изъ чего слѣдуетъ, что тогдашнія княженія не имѣли такой важности, какую имъ приписываютъ. Мираславичъ существовалъ близъ Витичева, на правомъ же берегу Днѣпра, въ 44 верстахъ отъ Кіева, потому-что въ «Кіевской

Лѣтописи» упомянуто (И. Г. Р., II, прим. 336): «сташа (Георгій) на Вытечевѣ у Мирославскаго села противу себѣ». Слово же *остреческій* не относится ли къ предъидущему Тмуторокани, такъ-какъ и о *другихъ* нѣкоторыхъ городахъ говорится тутъ съ показаніемъ рѣкъ, при которыхъ они лежатъ? Въ такомъ случаѣ, Тмуторокань можно бы искать на рѣкѣ Острѣ или Остерѣ, которая, начавшись въ Черниговской-Губерніи, ниже города Остера, впадаетъ въ рѣку Десну, соединяющуюся съ Днѣпромъ. Въ такомъ случаѣ, и загадочное имя Тмуторокани не можетъ ли объясниться, вмѣсто 10,000 презрѣнныхъ насѣкомыхъ, чрезъ *Торковъ*, которые столько извѣстны въ нашихъ лѣтописяхъ своими войнами съ Русью и за Русь, и бѣдствіемъ, постигшимъ ихъ въ 1060 г., когда они ушли изъ Россіи и *погибли отъ голода* (И. Г. Р., II, прим. 112); а около 1121 г. «сами бѣжаша (вѣроятно и оставшіеся) и тако мятущеся здѣ и индѣ, погибаша» (тамъ же, прим. 218). Торки въ означенномъ числѣ могли тутъ жить, или при столь непостоянной ихъ судьбѣ и погибнуть, отъ чего это мѣсто могло получить названіе *Тмуторокани*, тѣмъ болѣе, что и самыя жилища ихъ находились около Переяславля, въ нынѣшней Полтавской-Губерніи: «Въ лѣто 6588 заратишись *Торки Переяслъвстіи*» (И. Г. Р., I, прим. 437); они бывали и близь Кіева: «прибыли же бяху въ то время (1097) къ городу (Кіеву) Берендичь и *Торци* съ вежами и со стады и со скоты (Русс. Лѣт. съ Воскресенскаго списка, II, стр. 13). Имя *Торковой-Долины* на рѣкѣ Соснѣ, впадающей въ Донъ, также напоминаетъ объ этомъ кочующемъ племени. Впрочемъ, Торки жили и осѣдло въ бывшемъ городѣ *Торческѣ*, гдѣ нынѣ мѣстечко Торчица, при рѣкѣ Торчѣ Кіевской-Губерніи, въ Пятигорскомъ-Повѣтѣ, а не уѣздѣ, какъ означаетъ Карамзинъ (И. Г. Р., II, прим. 165): тогда Торческъ былъ бы въ Кавказской-Области. Но довольно о Тмуторокани; обратимся теперь къ тмутороканскому камню, составляющему главный предметъ этой статьи.

III.

Исторія тмутороканскаго камня.

Въ началѣ 1793 г. дошло до свѣдѣнія А. И. Мусина-Пушкина, чрезъ пріѣхавшаго изъ Крыма въ Санктпетербургъ войсковаго дьяка Егорова, что П. В. Пустошкинъ нашелъ на островѣ Таманѣ камень съ какою-то русскою надписью, въ которой упоминается имя одного изъ русскихъ князей. Въ надеждѣ, что этотъ камень откроетъ что-нибудь относящееся къ отечественной исторіи, Мусинъ-Пушкинъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе, чтобъ отправлявшійся тогда въ Крымъ академикъ Палласъ сдѣлалъ о немъ дальнѣйшее розысканіе. Между-тѣмъ, по сношенію Егорова съ П. В. Пустошкинымъ, тогда же доставилъ онъ Мусину-Пушкину рисунокъ камня и надписи на немъ, при увѣдомленіи, что тотъ камень найденъ въ городѣ Фанагоріи (на Таманѣ), и что такъ-какъ показался ему очень-любопытнымъ, то отправленъ въ Севастополь къ г. вице-адмиралу Н. С. Мордвинову. Въ то же время, Высочайше повелѣно правителю Таврической-Области, Жигу-

лицу, *перенесть* камень на то мѣсто, гдѣ былъ найденъ, и прислать съ него рисунокъ, который и былъ представленъ Императрицѣ 2-го декабря 1793 г. таврическимъ генерал-губернаторомъ, графомъ П. А. Зубовымъ, и притомъ донесено, что онъ взятъ изъ развалинъ древняго города близь крѣпости Тамани, и тамъ находился въ солдатской казармѣ вмѣсто порога; что верхняя его сторона шероховата, а нижняя и бока гладки; что замѣтныя на верхней части выдолбленныя мѣста доказываютъ прежнее его употребленіе въ какомъ-нибудь зданіи; и что, наконецъ, какъ уже камень не можетъ оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ, то избрано для него другое пристойнѣйшее, которое обнесено оградою и покрыто сверху. Неизвѣстно, былъ ли также особый какой отзывъ и отъ Палласа о тмутороканскомъ камнѣ; но онъ въ последнемъ путешествіи своемъ (*), подтвердивъ о томъ, что нашли его въ развалинахъ древняго города близь крѣпости, на Тамани, приписываетъ то майору Розенбергу, и что П. В. Пустошкинымъ перевезенъ камень въ городъ Николаевъ, а не въ Севастополь. Путешествовавшій по Крыму около того же времени П. И. Сумароковъ говоритъ (**): «Въ 1793 г. «флота капитанъ, что нынѣ вице-адмиралъ П. В. Пустошкинъ, *нашелъ* «*какимъ-то образомъ* въ Фанагоріи камень съ русскими письменами. «Слухъ о томъ дошелъ въ Санктпетербургъ, гдѣ графъ А. И. Мусинъ-«Пушкинъ, движимый благороднымъ любопытствомъ, донесъ о томъ «Императрицѣ. Камень былъ *привезенъ* (если тутъ разумѣется Петербургъ, «то едва-ли вѣрно) и надпись его произвела общее изумленіе».

IV.

Надпись на тмутороканскомъ камнѣ и различное чтеніе числительныхъ ея буквъ.

Въ бытность мою въ Керчи, 28-го іюня 1837 г., я осмотрѣлъ въ тамошнемъ музеумѣ и сиротѣющій между множествомъ древнихъ босфорскихъ памятниковъ тмутороканскій камень. Этотъ камень есть не иное что, какъ плита известняка сѣроватаго цвѣта, мало потерпѣвшая отъ времени, но подлѣ самой надписи разломленная или разсѣченная на двѣ части, можетъ-быть случайно, либо и съ намѣреніемъ для удобнѣйшей перевозки по значительной ея тяжести, потому-что длина плиты составляетъ три аршина четыре вершка, ширина одинъ аршинъ, толщина $5^1/_2$ вершковъ, слѣдовательно, вѣсъ до 54 пудовъ. Какъ по свидѣтельству Габлица (***) на Таманѣ, гдѣ найденъ этотъ камень, нѣтъ никакихъ признаковъ известковаго камня, а можетъ-статься и въ Крыму *не найдется подобной ему породы*, то должно полагать, что онъ привезенъ *издалека*. Мусинъ-Пушкинъ несправедливо называетъ его мраморомъ.

(*) P. S. Pallas Reise in die S. S. des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig. 1801. 2 Band, p. 297.

(**) «Досуги Крымскаго Судьи» и проч. Спб. 1803—1805, ч. II, стр. 134.

(***) «Физическое Описаніе Таврической-Области» и проч. Спб. 1785, стр. 59.

Надпись изсѣчена внутрь камня съ боку, очень-явственно и четко, такъ-называемымъ уставнымъ почеркомъ (см. прилагаемый при семъ рисунокъ) и содержитъ въ себѣ слудующее: «Въ лѣто 6576 (1068) индикта «6, Глѣбъ князь мѣрилъ море по льду, отъ Тмуторокапя до Крчева «30,054 сажени». Такъ изъясняютъ эту надпись всѣ видѣвшіе ее и между-прочимъ Палласъ (*) и Ваксель (**), кромѣ того, что первый показалъ неправильно отъ Р. Х. 1065 г., а послѣдній, вмѣсто 30,054, только 3054, не обративъ должнаго вниманія ни на содержаніе надписи, ни на мѣстность. Здѣсь можно видѣть сообщенный Палласомъ рисунокъ камня съ надписью (№ 1), по словамъ А. Н. Оленина снятый на мѣстѣ съ большимъ тщаніемъ, путешествовавшимъ съ Палласомъ живописцемъ Гейслеромъ, хотя я нахожу его и не совсѣмъ-точнымъ, впрочемъ въ неважныхъ подробностяхъ, какъ и другіе рисунки камня, повторенные А. Н. Оленинымъ (***). Надпись простирается въ длину на одинъ аршинъ $3\frac{1}{2}$ вершка, въ ширину до двухъ вершковъ, а самыя буквы величиною до $\frac{6}{8}$ вершка. По палласовой мѣрѣ, изъ 30,054 трех-аршинныхъ саженъ выйдетъ 60 верстъ 54 сажени, а если считать сажени маховыми въ три локтя или два аршина семь вершковъ, около 49 верстъ. Мѣра эта въ первомъ случаѣ превышаетъ длину пролива, а въ послѣднемъ самую большую его ширину, потому-что Габлицъ говоритъ (****): «Длина пролива, считая до Темрюка, можетъ составить около «шестидесяти, самая же большая ширина до полуденнаго рукава Кубани «сорокъ, а меньшая до Лимана, въ который оной рукавъ впадаетъ, не съ «большимъ двадцать верстъ». Это назначеніе согласуется и съ новѣйшими свѣдѣніями. Возможно ли, чтобъ князь Глѣбъ, воспользовавшійся рѣдкимъ замерзаніемъ пролива для измѣренія его, или тотъ, кому отъ него поручено было, сдѣлали такую погрѣшность, увеличивъ пространство пролива въ опредѣляемомъ надписью мѣстѣ почти втрое? Скорѣе можно согласиться, что такого измѣренія вовсе не было, и камень этотъ навязанъ *послѣ* Глѣбу.

Мусинъ-Пушкинъ, для удаленія столь неблагопріятнаго мнѣнія и не находя возможнымъ, чтобъ буквы ЛНД означали просто 30, 50 и 4, почелъ необходимымъ отъ лѣвой руки къ первой буквѣ прибавить черту, полагая, что она изгладилась; а потому вышли буквы ИНД (на рис. № 2), означающія 8054 сажени или около 16 верстъ. Но какъ и эта мѣра во многомъ несогласна съ истиною, притомъ Мусинъ-Пушкинъ не обратилъ вниманія, что буква Л по формѣ своей можетъ быть измѣнена только въ нынѣшнее И, а не въ старинное Н: то А. Н. Оленинъ (*****)

(*) Im jahre 6576 (1068) indict 6, mass Gleb, der Fürst, die see auf dem Eise, von Tmutarakan bis Kertsch—30,054 (saschen) Faden. Pallas Reise, 2 Band., p. 293.

(**) L'an 6576 (1068), indict 6, le prince Gleb arpenta la mer sur la glace depuis Tmoutarakan jusqu'à Kertsch 3054 toises. «Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la mer Noire etc. par Leon Waxel. A Berlin, 1803 p. 10.»

(***) То же письмо его къ графу А. И. Мусину-Пушкину.

(****) Тамъ же, стр. 55 и 56.

(*****) То же письмо его къ А. И. Мусину-Пушкину.

предложилъ новое довольно-замысловатое чтеніе этихъ буквъ (на рис. № 3). Онъ изъ Λ дѣлаетъ I, а остающуюся съ лѣвой стороны черту обращаетъ въ знакъ тысячи; И признаетъ за И, какъ и въ-самомъ-дѣлѣ оно изображено въ прочихъ словахъ надписи; къ Д прибавляетъ черту тысячи, хотя она пересѣкается въ славянскихъ числахъ обыкновенно двумя еще поперечными черточками, и такимъ образомъ опредѣляетъ разстояніе въ 10,000 и 4,000 саженъ не косыхъ или трех-аршинныхъ, а маховыхъ малороссійскихъ, въ 3 локтя или 2 арш. 7 верш., составляющихъ 22 версты 375 саженъ—опять 675 саженями болѣе, нежели сколько причитается по его же измѣренію этого пространства на вѣрнѣйшей картѣ. Маховая сажень вмѣсто косой принята имъ по причинѣ употребленія въ надписи слова «сяженъ», происходящаго отъ глагола «сяжу», относящагося къ дѣйствію рукъ, а косая сажень досягаетъ отъ лѣвой ноги до конца средняго перста вытянутой правой руки. Не смотря на столь натянутое изъясненіе мѣры, означенной въ надписи для сближенія ея съ истиною, по осмотру моему въ керченскомъ музеумѣ, 1837 г., какъ выше сказано, самаго камня, оказалось, что на немъ довольно-явственно изображены буквы ΛИД, означающія, какъ полагаю, «30,000 и 4,000» саженъ (подобно тому, какъ въ-старину писывались иногда тысячныя и другія числа раздѣльно), которыя составятъ, считая косыми саженями, 68 верстъ, а маховыми, принятыми А. Н. Оленинымъ, 55 верстъ 125 саженъ; слѣдовательно, въ первомъ случаѣ втрое, а въ послѣднемъ вдвое-болѣе истинной мѣры. Такую разность нельзя отнести къ непрямой чертѣ отъ какихъ-нибудь препятствій при измѣреніи, принятой А. Н. Оленинымъ для оставшихся 675 саженъ; но просто это—грубая ошибка, которую нельзя уже приписать измѣрявшимъ проливъ по льду.

V.

Филологическая повѣрка надписи на тмутороканскомъ камнѣ.

Надпись на тмутороканскомъ камнѣ столь коротка, что трудно сравнить ее съ какими-нибудь древними письменными памятниками. Буквы ея, хотя и не всѣ, довольно-сходны съ употребленными почти въ современной рукописи «Остромірова Евангелія» 1056—57 г., судя по напечатанному тексту, тщательно изданному, въ 1843 г., А. Х. Востоковымъ, въ-отношеніи чего древность ея и не подлежала бы сомнѣнію; но нѣкоторыя слова въ ней отличаются отъ стариннаго ихъ выраженія. Такимъ образомъ, первое слово въ надписи изображено: *Въ лѣто*, съ отдѣльнымъ предлогомъ, какъ слѣдуетъ по «нынѣшней» грамматикѣ, между-тѣмъ, какъ, сколько извѣстно, въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ нашихъ предлогъ *въ* писался болѣе слитно съ послѣдующимъ словомъ: *влѣто;* слово *князь* изображалось почти всегда такъ: *кънязь*, даже на старинныхъ копейкахъ, гдѣ такъ мало мѣста для излишняго многословія; слово *море* написано только двумя буквами, изъ которыхъ одна на-

ходится вверху подъ титломъ, можетъ-быть, отъ-того, что оно пригодилось къ концу строки—такое сокращеніе словъ встрѣчается и въ лѣтописяхъ; вмѣсто *поледу*, кажется, должно бъ быть *по ледоу*, а вмѣсто ѿ *Тъмутороканя—отъ Тьмутороканя*, потому-что, по замѣчанію г. Востокова (*), предлогъ ѿ только въ заглавіяхъ такъ писался, а въ текстѣ въ строку всѣми буквами; слово же *тъму* въ «Остроміровомъ Евангеліи» нѣсколько разъ повторено, всегда съ удержаніемъ буквы ъ: *Тъмоу*, ТЪМѪ. Употребленіе слова *Кърчева* или *Корчево*, вмѣсто «Керчи», не подтверждается никакими другими свидѣтельствами, кромѣ надписи, даже совсѣмъ невѣроятно, чтобъ въ опредѣленное сю время могло оно существовать. Извѣстно, что Генуэзцы, обладавшіе Крымомъ съ половины XIII почти до конца XV вѣка, сначала называли это мѣсто *Воспоро*, *Воспро* и *Аспро-монте* (Vosporo, Vospro, Aspro-monte), и уже очень поздно явилось *Черко* (Cerco) (**), безъ сомнѣнія, однозначащее съ *Керчью* и, можетъ-быть, напоминающее черкасскаго князя, который здѣсь жилъ до 1333 г. Память пребыванія въ Крыму Черкесовъ сохранилась въ названіяхъ и другихъ многихъ мѣстъ (***). Слово «cerco» или «cerchio» могло также относиться и къ виду тамошнихъ горъ, которыя обстанавливаютъ керченскую равнину наподобіе амфитеатра, образуютъ на обѣ стороны полукруглыя отлогости и оканчиваются огромными мысами къ морю и проливу. Сверхъ того, *Кърчева* въ лѣтописяхъ называлась *Корчевою* и *Коршевою*. Карамзинъ (И. Г. Р. т. II. прим. 347) упоминаетъ, что «Изяславъ, въ 1141 г., зимою выступилъ было противъ Владиміра, но возвратился отъ Корчева, или Корочева, бывшаго «городка, нынѣ мѣстечка Волынской Губерніи на рѣкѣ Курчикѣ». Въ Никоновской Лѣтописи (IV, с. 5) сказано: «Литва взяше Коршеву», можетъ-быть, Корчеву, прежде село, нынѣ городъ Тверской Губерніи. Наконецъ, древнее употребленіе слова «саженъ» и еще болѣе *слженъ* не оправдывается никакими примѣрами, кромѣ кіевскаго «Патерика», гдѣ сказано (*л.* 193): «Ископа (Иларіонъ) печерку малу двусажену»; но и здѣсь, можетъ-быть, это имя позднѣйшею вставкою, или неисправнымъ чтеніемъ переписчиками и издателями старинныхъ рукописей.

VI.

Нѣтъ ли другихъ памятниковъ, которые подтверждали бы достовѣрность тмутороканскаго камня и существованія Тмуторокани на Таманѣ?

Хотя Таманъ небогатъ древностями, однакоже, на пепелищѣ Фанагоріи найдено нѣсколько камней съ греческими надписями, свидѣтельствующими о бывшихъ тамъ великолѣпныхъ храмахъ и дворцахъ гре-

(*) Грамматическія правила словенскаго языка, извлеч. изъ Остроміров Евангелія, стр. 2.

(**) Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire, pendant l'année 1803, par Reuilly. Paris. 1806, p. 86.

(***) Крымскій Сборникъ П. Кеппена. Спб. 1837, стр. 251.

ческихъ властителей; нѣсколько обломковъ статуй (торсовъ), и въ томъ числѣ статуй богини Аверги и Аполлона, также обломокъ льва огромной величины — все изъ бѣлаго мрамора; сверхъ-того, открыто много монетъ съ именемъ Фанагоріи. Предметы глубокой древности! Но доселѣ не открыто ничего русскаго, кромѣ загадочнаго камня, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Если тутъ дѣйствительно была Тмуторокань, и въ ней въ-продолженіе болѣе ста лѣтъ постоянно жили наши великіе князья, конечно, съ своимъ дворомъ и съ войскомъ; если были двѣ церкви во имя Пресвятой Богородицы: одна, сооруженная Мстиславомъ Владиміровичемъ, гдѣ въ 1065 г. погребенъ былъ князь Ростиславъ Владиміровичъ, умершій отъ отравы, данной ему Грекомъ Котопаномъ (И. Г. Р. II, прим. 117), другая, которую около 1068 г. основалъ близь города, вмѣстѣ съ монастыремъ, по образцу печерскаго, преподобный Никонъ: «иже и донынѣ есть, прикладъ нмый въ сіи Печерскій Монастырь», сказано въ житіи Бориса и Глѣба, писанномъ около 1088 г. (См. Русскій Историческій Сборникъ, IV, стр. 418), — и вѣроятно, эти зданія построены были изъ камня, какъ и нынѣ тамъ строятся по недостатку въ лѣсѣ, — то не-уже-ли отъ всего этого не осталось слѣдовъ, когда на противолежащей сторонѣ пролива, въ нынѣшней Керчи или прежней Пантикапеѣ, видимъ не только остатки древнѣйшихъ построекъ и многихъ памятниковъ, но въ совершенной цѣлости и самую греческую церковь, которая, судя по надписи, начертанной на столбѣ надъ прахомъ одного покойника, построена въ 6265 или 757 году отъ Р. Х., слѣдовательно, болѣе 200 лѣтъ прежде опредѣляемаго времени для созданія церквей и монастыря въ Тмуторокани? Если бъ Тмуторокань разорена была до такой степени и отъ непріятелей, то по-крайней-мѣрѣ находили бы или выкопывали, на томъ мѣстѣ, гдѣ она существовала, остатки оружія или чего другаго — но и этого нѣтъ. Въ бывшей Фанагоріи много еще неразрытыхъ кургановъ, которые по наружному сходству ихъ съ днѣпровскими и другими степными курганами, нельзя бы приписывать Русскимъ; но какъ и наши запорожцы имѣли также обыкновеніе дѣлать большія насыпи надъ своими покойниками, чему видѣлъ я многіе примѣры на мѣстѣ Старой-Сѣчи, при деревнѣ Капуловкѣ, то къ отвращенію всякаго недоумѣнія относительно существованія Тмуторокани на Таманѣ, не излишне было бы порыться и въ этихъ курганахъ. Разрытіе ихъ во всякомъ случаѣ любопытно, судя по пантикапейскимъ курганамъ, которые проливаютъ столь яркій свѣтъ на исторію тамошняго края.

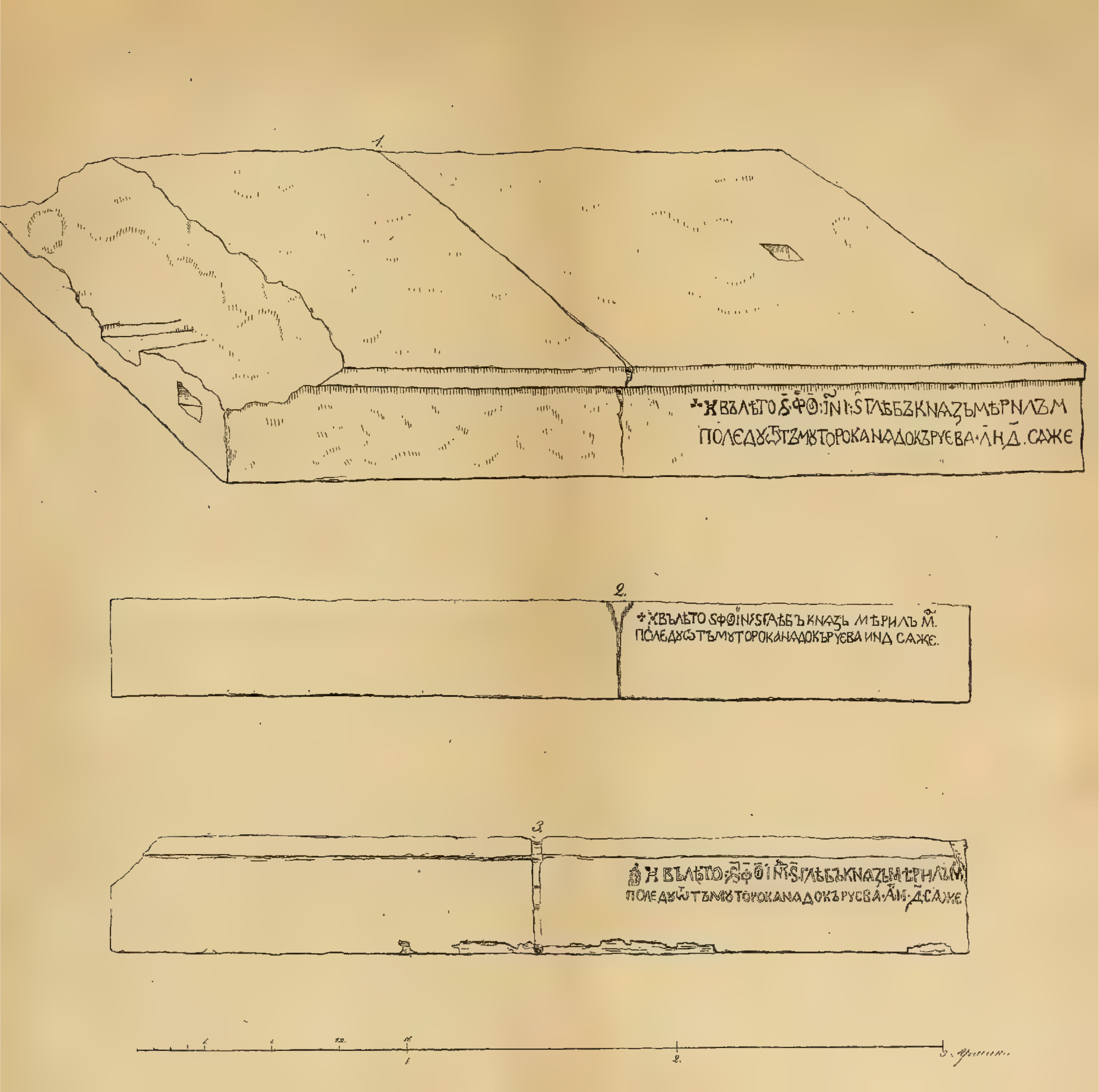
VII.

Заключеніе.

Изъ всѣхъ моихъ доказательствъ можно, кажется, вывесть общее заключеніе, что древность и достовѣрность надписи на тмутороканскомъ камнѣ подлежитъ *большому сомнѣнію;* потому, во-первыхъ, что она во многомъ не удовлетворяетъ требованіямъ археологическимъ; во-вто-

рыхъ, что заключаетъ въ себѣ погрѣшность въ самомъ главномъ предметѣ, именно *въ показаніи разстоянія*, которое должно бъ быть всего вѣрнѣе, и въ-третьихъ, представляетъ имя Керчи, которое въ опредѣленное ею время *не могло быть еще извѣстно*. Можетъ-быть, спросятъ нѣкоторые, для чего бы надпись эта могла быть сдѣлана *подложно* въ новѣйшее уже время? Отвѣтъ не труденъ. Странно было бъ приписывать поддѣлку ея политической цѣли для присвоенія правъ Россіи на тамошній край, когда онъ болѣе 10 лѣтъ прежде того уже вполнѣ ей принадлежалъ, бывъ занятъ по нарушенію Турками трактата 1744 г., и по трактату же съ ними, 1783 іюня 10, признанъ частью Россійской Имперіи для свободной обоюдной торговли (*). Но это просто могло быть *выдумкою тогдашнихъ ученыхъ* для прекращенія споровъ о Тмуторокани, въ чемъ они и успѣли какъ-нельзя-лучше. Кто были эти ученые — рѣшить трудно съ достовѣрностію, тѣмъ болѣе, что всѣ лица, получившія какую-нибудь извѣстность въ исторіи тмутороканскаго камня, перешли уже въ вѣчность... Какъ тмутороканскій камень признанъ главнѣйшею опорою для водворенія Тмуторокани на Таманѣ, то изъ этого само-собою слѣдуетъ и другое сомнѣніе: могла ли она тамъ быть, потому-что доселѣ не открыто никакихъ другихъ ясныхъ къ тому доводовъ, равно какъ и нахожденію ея въ прочихъ указанныхъ нашими писателями мѣстахъ? Не лучше ли возвратиться вновь къ показаніямъ лѣтописей, тщательно сличить ихъ, не увлекаясь никакою односторонностью, и потомъ уже рѣшить, можно или нельзя опредѣлить, гдѣ была Тмуторокань, если она нужна для исторіи. Въ такомъ случаѣ, конечно, не должно оставлять безъ вниманія быстрыя и частыя сношенія князей Тмуторокани съ прочими русскими князьями, чрезъ которыя какъ-будто обнаруживается, что она недалеко была отъ Кіева. Отъ-чего черниговскіе князья назывались и тмутороканскими? Что за городъ кіевскій Тмуторокань, упоминаемый въ лѣтописяхъ вмѣстѣ съ Вышгородомъ и другими? Наконецъ, надобно обратить вниманіе и на то мѣсто «Слова о Пълку Игоревѣ», по которому судя, — если оно означаетъ быль, а не сказку, — князь Всеславъ въ одинъ день достигъ отъ Тмуторокани до Кіева.

(*) Хронологическое обозрѣніе Исторіи Новороссійскаго Края, 1730—1823. А. Скальковскаго. Одесса, 1836. Ч. I, стр. 154 и 156.


1.
2.
3.
1
2